

Противовоздушная оборона

НПО «ФИНГО» надежно защищает природу

от опасных промышленных выбросов

День эколога – это профессиональный праздник и для целой отрасли машиностроения газоочистки промышленных выбросов. Промышленно-экологическая система Главгазоочистка была создана еще в суровые военные годы. 22 апреля 1944 года вышел приказ №153 народного комиссара химической промышленности СССР «Об организации производства оборудования электрофильтров, необходимых для газоочистительных установок, трестом «Газоочистка» на базе завода при станции Семибратово Ярославской области».

Современные установки газоочистки промышленных выбросов — это сложные технические системы. Они оснащены электронными блоками управления, которые обеспечивают самые жесткие экологические нормативы. Степень очистки промышленного воздуха нашими фильтрами достигает 99,9 процента. Комментарии, как говорится, излишни.

Для разработки, внедрения и обслуживания столь совершенных систем на ФИНГО создан собственный научно-технический центр. Совершенствуется технологическая база, в этом году запустили новый прокатный стан производства осадительных электродов. Объединение науки и производства позволяет выполнять заказы любой сложности — и для сейсмоопасных горных условий Чили, и для сорока-пятидесятиградусной жары Египта, для тропических ливней Вьетнама и Индонезии и для Заполярья Финляндии. География применения наших фильтров охватывает более 30 стран мира.

В наши дни экологическое законодательство России стало более либеральным. К сожалению, ослабление требований к производству кое-где восприняли как возможность тратить на защитные меры уже не так основательно, как в прежние годы, когда в структуре нашего главка

существовала Государственная инспекция по контролю газоочистных сооружений. Но и сегодня, несмотря на мировой финансово-экономический кризис, передовые промышленные предприятия реализуют масштабные экологические программы.

Успешно работают, например, наши совместные проекты на Березовской ГРЭС, на первом и втором блоках, а также на седьмом блоке Троицкой ГРЭС. Развивается сотрудничество с энергетиками и по другим объектам, ведь наше оборудование эксплуатируется на многочисленных станциях России. Большие усилия вкладывают в экологические программы предприятия металлургии. Сейчас мы завершаем совместный проект на Новоліпецком металлургическом комбинате, ведутся работы на Череповецком и Магнитогорском комбинатах.

Заказы есть, работой обеспечены. Конечно, как и все промышленные предприятия, переживаем тяготы финансово-экономического кризиса. Но твердо верим в нашу победу, ведь не зря наш завод основан еще в Отечественную войну, не думая, что тогда было легче. И сегодня с Божией помощью выстоим! Поэтому сегодня, поздравляя всех с Днем эколога, хотел бы поблагодарить трудовой коллектив, наших заказчиков, администрацию Ростовского района и Ярославской области, директора департамента промышленности Ярославской области Р.А.Даниленко, управляющую Переславского отделения Сбербанка В.А.Суслову, экологическую общественность, всех, кто упорно трудится, обеспечивая экологическую безопасность России!

С.А.Шапошник,

Генеральный директор Семибратовского завода газоочистительной аппаратуры.
Российская газета, 5 июня 2009 г.

Дело не в названии, а в результатах...

5 июня отмечается Всемирный день защиты окружающей среды, учрежденный в 1972 году по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы «обратить внимание общественности на необходимость сохранять и улучшать окружающую среду».

Немалую роль в улучшении защиты атмосферного воздуха от промышленных выбросов играет совершенствование структуры экотехнических предприятий. В последнее время многие организации для повышения своего имиджа называют себя научно-производственными объединениями. Но назвать себя НПО — еще не значит полностью соответствовать этому названию, обозначающему «организацию, проводящую научные исследования и разработки наряду с их освоением в производстве и выпуском продукции. Как правило, в структуру НПО входят научно-исследовательские, проектно-конструкторские, технологические организации, опытные производства и промышленные предприятия».

В газоочистке наиболее яркий пример деятельности НПО — это созданное в 1986 году ПО «Газоочистка», в которое вошли Семибратовский завод газоочистительной аппаратуры и Семибратовский филиал Научно-исследовательского института промышленной и санитарной очистки газов. Хотя слово «научный» и отсутствовало в названии объединения, оно было по-настоящему научно-производственным объединением.

Экологический холдинг «Кондор Эко – СФ НИИОГАЗ» тоже вполне может называться научно-производственным объединением, поскольку объединил научный, инжиниринговый и производственный потенциалы. Но дело не в названии, а в конкретных результатах работы.

Как известно, основным источником загрязнения атмосферы являются пылевые выбросы ГРЭС. Требуемая для таких станций выходная запыленность по российским нормативам составляет 300 мг/м³. Существующие электрофильтры, установленные на Троицкой и Реф-

тинской ГРЭС, позволяют достигнуть выбросы в два раза больше — 600-800 мг/м³. В настоящее время в холдинге для энергоблоков 300, 500 и 800 МВт разработаны электрофильтры, позволяющие снизить выбросы до 300 мг/м³. Но это не предел — в холдинге успешно проводится разработка аппаратов, позволяющих снижать выбросы ГРЭС до 30 мг/м³ и менее.

Время косметической модернизации существующего газоочистного оборудования закончилось — настала пора создавать новое поколение экотехнических аппаратов. А это возможно только при интенсификации научных разработок и кардинальном улучшении его производства. При этом нельзя забывать, что отечественным разработчикам и производителям газоочистного оборудования буквально дышат в затылок западные фирмы. Но главное, конечно, другое — ухудшающаяся с каждым годом экологическая обстановка. В этой ситуации топтание на месте может обернуться потерей рынка и дальнейшим ухудшением состояния окружающей среды. Реальная противовоздушная оборона — это соединение реальных производственных и научных потенциалов. В этом отношении опыт работы ПО «Газоочистка» вновь может быть востребован, конечно, с поправками, которые задает рынок.

В декабре в Копенгагена состоится саммит ООН по проблемам изменения климата, цель которого — новое глобальное соглашение о сокращении выбросов парниковых газов после 2012 года, когда закончится действие Киотского протокола. Вряд ли развитые страны согласятся на резкое сокращение промышленной деятельности. Более реален другой путь — совершенствование технологий и совершенствование системы защиты атмосферного воздуха от промышленных выбросов. Значит, возрастут требования к газоочистному оборудованию.

М.Е.Смирнов, кандидат технических наук,
исполнительный директор
ЗАО «Кондор-Эко»

От Генерального штаба до деревни Исады

В этом году исполнилось 120 лет со дня рождения первого семибратовского краеведа Петра Александровича Сергеева и 70 лет, как вместе с супругой Евгенией Вениаминовной он поселился в Семибратово. К этим юбилеям завершена работа над книгой «От Генерального штаба до деревни Исады».

П.А.Сергеев (1889–1963) — человек необычной, трагической судьбы. Дворянин, выпускник Академии Генерального штаба, участник первой мировой войны, начальник штаба корпуса Белой армии. Последние годы жизни работал в скромной должности начальника планового отдела термоизоляционного завода в деревне Исады. И здесь начал заниматься изучением местной истории, стал одним из ведущих краеведов Ростовского края и первым семибратовским краеведом.

Первый раздел книги составлен из глав об отдельных периодах биографии П.А.Сергеева, написанных на основе материалов, извлеченных из архивных документов, личного дела краеведа, информации из Интернета и других источников. Во втором разделе опубликованы краеведческие работы П.А.Сергеева «Исадские мельницы», «Торговое птицеводство в селе Макарово-Семибратово в XIX–XX веках», «Рабочий поселок Семибратово». Третий раздел книги составлен из публикаций в местной газете «Дорогое мое Семибратово», которые дополняют краеведческие работы П.А.Сергеева новыми сведениями о семибратовской истории, а также из воспоминаний жителей поселка Семибратово М.А.Клюевой, Н.Н.Потеминой, Г.Ф.Масловой, К.М.Бубновой, хорошо знавших семью Сергеевых.

Семья Сергеевых: сестра Зинаида, П.А.Сергеев, отец Александр Васильевич, брат Сергей, мать Александра Тимофеевна.

Книга не претендует на всестороннее и детальное изложение биографии П.А.Сергеева, опубликованы не все его краеведческие работы. Так, за рамками книги остались материалы об истории Ростова и о замечательных ростовцах. Хочется выразить надежду, что книга поможет выпустить более полный сборник краеведческих трудов П.А.Сергеева и более подробно осветить его биографию, многие страницы которой до сих пор остаются неизвестными.

В этом номере нашей газеты опубликован отрывок из воспоминаний Галины Федоровны Масловой, которая после окончания института по распределению попала на Семибратовский завод древесно-волоконных плит, работала сменным мастером, затем начальником ОТК и лаборатории завода. В дальнейшем была заместителем директора по воспитательной работе ПТУ-33, в 1981–1985 гг. — председатель исполкома Семибратовского поселкового Совета.

От Генерального штаба до деревни Исады

Материалы к биографии и к трудам первого семибратовского краеведа Петра Александровича Сергеева

Прошло ровно десять лет, как небольшим тиражом вышла книга моего покойного сына Михаила Сударушкина (1977–2001) «Путешествие к истокам», в которой он высказал свой взгляд на начальную историю Ростова. В главе «Где искать древний Ростов» он в частности писал:

«В статье «Некоторые данные о топографии Ростова X–XIV вв.», напечатанной в сборнике «История и культура Ростовской земли» (Ростов, 1994), известный археолог А.Е.Леонтьев, уже много лет проводящий здесь раскопки и немало сделавший для восстановления прошлого Ростова, писал: «Летописная дата – 862 г., как указание на время, когда Ростов уже существовал, пока археологического подтверждения не нашла. Ко второй половине IX в. (и более раннему времени) могут относиться слои мерянского поселка, но это предположение требует доказательств. По имеющимся данным город со свойственными ему особенностями начинает складываться не ранее середины X в. Наиболее ранняя из имеющихся дендрохронологических дат – 963 г.» (т.е. по годичным кольцам на древесине – М.С.). Далее автор делает замечание, которое может стать ключевым в решении загадки происхождения Ростова: «Отчего город вырос на неудобном низком участке побережья – вопрос едва ли разрешимый». А и правда – почему? Не в этой ли особенности расположения современного Ростова кроется разгадка его долетописной древности?»

Здесь же Михаил дал свой ответ на этот вопрос: «Наиболее вероятное на наш взгляд предположение состоит в том, что загадка древнего Ростова навсегда похоронена на дне озера Неро, что легенда о затопленных в нем золотых воротах города появилась на свет не случайно. Город просто был вынужден сдвинуться с места, потому что его первоначальное местоположение было залито озером Неро, по какой-то причине раздвинувшим свои берега. В пользу этого предположения – существование на дне озера гряды, протянувшейся от берега к берегу, явно свидетельствующее о происшедшем здесь геологическом разломе или о какой-то другой катастрофе».

Уже после смерти Михаила вышла его книга «Рассказы о ростовской истории», в которую были включены очерки из книги «Путешествие к истокам». Очень добрую рецензию на нее написал журналист, краевед и эколог Г.С.Залетаев, имя и эрудиция которого хорошо известны ростовцам старшего поколения. Высоко оценив содержание и характер изложения краеведческих очерков Михаила, Георгий Сергеевич, однако, не согласился с предположением «о геологическом разломе», сделав следующее замечание: «Дело в том, что само строение Русской платформы, на которой располагается Ростов, не допускает гипотезы о разломе, т.к. платформа перекрыта здесь огромной толщей осадочных пород, в которых

разломов просто не бывает. Интересно, что аналогичную ошибку допустил А.А.Титов, писавший о том, что около 5 тысяч лет назад в окрестностях Петровска образовался вулкан!»

Но ведь Михаил и не настаивал именно на «геологическом разломе», а писал о возможности «какой-то другой катастрофы», вплоть до самой фантастической – падении метеорита. Кроме того, он считал возможным, что увеличение масштабов озера могло происходить постепенно, соответственно и город со временем отодвигался всё дальше в западном направлении. Такой вариант, по крайней мере, объяснял, почему о переносе города не осталось ни устных, ни письменных источников. Оговорившись, что это скорее тема географического краеведения, а не исторического, в заключение главы «Где искать древний Ростов» он написал: «Версия о поглощении первоначального Ростова озером Неро звучит неожиданно, нигде вроде бы не упоминается, но, по крайней мере, она объясняет хотя бы одну загадку Ростова: почему первое летописное свидетельство о нем не находит археологического подтверждения».

Георгий Сергеевич Залетаев был Интеллектуалом с большой буквы, поэтому свое несогласие с покойным краеведом высказал в вежливой форме. Но времена меняются. Совсем недавно я обратился к одному местному литератору, несколько лет назад написавшему положительную статью о краеведческих работах Михаила, с просьбой ее переиздать в книге, которую сейчас я готовлю к печати. Ответ был, мягко говоря, хамский. Вспомнив версию Михаила о поглощении древней части Ростова озером Неро, он написал: «Являясь членом редсовета, я иной раз вынужден заворачивать куда более нейтральные писания наших сотрудников. Вообразите их возмущение, когда они узрят подпись своего гонителя на еще менее научных писаниях, чем их собственные».

Я с пониманием отнесся к карьеристским соображениям автора этого послания (кстати, отправленного по факсу, видимо, чтобы показать копию начальству) и больше его не беспокоил. Постарался выкинуть его хамство и его самого из памяти, однако не мог избавиться от вопроса – действительно ли Михаил высказал ничем не обоснованное предположение?

И тут случайно у меня зашел разговор с человеком, в детские годы проживавшим в одной из деревень на берегу озера Неро. Он вспомнил рассказы старожилков, как в годы Великой Отечественной войны, когда частникам была запрещена вырубка леса на дрова, жители их деревни по мелководью заходили далеко в озеро и выкорчевывали из воды огромные корни вековых деревьев. Значит, и впрямь, как предполагал Михаил, в глубокой древности по какой-то причине озеро Неро раздвинуло свои берега.

Подтверждение этому рассказу я пытался найти

в книге, изданной сотрудниками музея-заповедника «Ростовский кремль» «Была война...», с подзаголовком «Сборник документов и воспоминаний о Ростове в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

Заготовка дров для железной дороги, местных предприятий и учреждений в книге упоминалась несколько раз, приводились сведения, как строго наказывали за отлынивание от этой трудовой повинности, но о том, как решали «топливную проблему» рядовые жители Ростовского района, к сожалению, не говорилось. И только в воспоминаниях уроженки села Поречье Анны Дмитриевны Марининой я нашел косвенное доказательство того, что эта проблема во время войны действительно стояла очень остро. Она писала: «На улицах Поречья в годы войны было чисто. У домов летом клумбы, грядки с цветами. Почему не было мусора? Да ведь каждый прутик подбирали печь топить».

Неожиданную поддержку версии Михаила о том, что озеро Неро в древности было меньше, чем сейчас, я нашел в лице заядлого рыбака, хорошо знающего озеро и его окрестности. Впервые, он рассказал о существовании на дне озера так называемых желобов, которые отличаются большой глубиной, а у местных рыбаков даже есть такое выражение – ловить на желобах. (Михаил в своей книге назвал их грядой.)

Во-вторых, этот же рыбак, которому не откажешь в умении делать выводы, высказал предположение, что в древности втекающая в озеро река Сара и вытекающая из него Вёкса составляли единое целое, а желоба – это остатки русла той древней реки. Даже показал мне на карте, как эта река примерно протекала.

Что касается местоположения древнего Ростова, то мой знакомый рыбак, как и Михаил, предполагал, что город находился не там, где расположен сейчас, а восточнее, где-то возле ныне существующего Рождественского острова. Это положение города, по его мнению, объясняет и то, почему в древности дорога на Ростов и из Ростова проходила восточнее: через Поречье, Угодичи, Николо-Перевоз, Белогостицкий монастырь, Приемково. Вероятней всего, где-то между Поречьем и Угодичами, (или чуть дальше Угодич) дорога приводила в Ростов. Вроде бы это предположение вполне логично, но не будем забывать, что это только версия, прямых доказательств нет. Чтобы найти их, надо провести археологические раскопки на дне озера, однако из-за большого слоя илистых отложений – сапропеля – это практически невозможно. Кстати, интересно, что именно спровоцировало образование такого огромного количества сапропеля в озере Неро и почему его нет, например, в Плещеевом озере? И еще. Почему Ростовский регион отличается таким большим содержанием железа в воде?

Почему озеро разлилось – еще один вопрос, на который следует ответить геологам (или биологам?). Причины могут быть самые разные, но факт остается фактом – по какой-то причине Ростов вынужден был переселиться на новое место; как писал А.Е.Леонтьев, «на неудобный низкий участок побережья».

Таким образом, версия Михаила вполне обоснованная, а может, и единственная, которая верно объясняет несоответствие летописного свидетельства археологическим данным. В любом случае считаю, что когда речь идет о временах и событиях, не оставивших письменных источников, версии имеют право на существование, если даже они кому-то не нравятся. И уж тем более недопустимо спорить с покойным автором версии в духе упомянутого выше «члена редсовета».

Не история ли древнего Ростова, погрузившегося на дно озера Неро, послужила основой для легенды о затопленном Китеж-граде? Его судьбу связывают с озером Светлояр под Нижним Новгородом, но о его образовании в результате какой-то природной катастрофы и о наличии на его дне древнего поселения нет никаких свидетельств. В этом отношении «ростовская» версия Китеж-града выглядит более убедительно.

Однако версия – всего лишь версия. А с другой стороны, скольким верным ответам на загадки истории предшествовало всего лишь версии? Самый яркий пример – открытие археологом-любителем Генрихом Шлиманом, благодаря гомеровской «Илиаде», древней Трои. А всё началось с предположения...

Б.М.Сударушкин.

Легенда о Китеж-граде

В ветлужских лесах есть озеро. Расположено оно в лесной чаще. Голубые воды озера лежат неподвижно днем и ночью. Лишь изредка легкая зыбь пробегает по ним. Бывают дни, когда до тихих берегов доносится протяжное пение, и слышится далекий колокольный звон. Давным-давно, еще до пришествия татар, великий князь Георгий Всеволодович построил на Волге город Малый Китеж (нынешний Городец), а потом, «переправившись через тихие и ржавые речки Узолу, Санду и Керженец», вышел к Люнде и Светлояру на «зело прекрасно» место, где поставил город Китеж Большой. Так на берегу озера появился славный Китеж-град. В центре города возвышались шесть глав церквей.

Придя на Русь и завоевав многие земли наши, Батый услышал про славный Китеж-град и устремился к нему со своими ордами...

Когда «злые татарове» подошли к Китежу Малому и в великой битве убили брата князя, сам он скрылся в новопостроенном лесном городе. Пленник Батый, Гришка Кутерьма, не стерпел пыточных мучений и выдал тайные тропы к Светлояру. Татары грозовой тучей обложили город и хотели взять его силой, но когда они прорвались к его стенам, то изумились. Жители города не только не построили никаких укреплений, но даже не собирались защищаться. Жители молились о спасении, так как от татар не приходилось ждать чего-либо доброго. И как только татары ринулись к городу, из-под земли вдруг забились многоводные источники, и татары в страхе отступили. А вода всё бежала и бежала...

Когда стих шум родников, на месте города были лишь волны. Вдали мерцала одинокая глава собора с блестящим посредине крестом. Она медленно погружалась в воду.

Вскоре исчез и крест. Теперь к озеру есть путь, который называется Батыевой тропой. Она может привести к славному городу Китежу, но не каждого, а лишь чистых сердцем и душою. С тех пор город невидим, но цел, а особо праведные могут увидеть в глубине озера огоньные крестные ходы и слышать сладкий звон его колоколов...

Основой для светлоярского культа послужил «Китежский летописец» («Книга глаголимая летописец...»), памятник, созданный предположительно в среде старообрядцев-бегунов, в 80-90-е годы XVIII века. Другим важным памятником является «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже». Легенда послужила основой многим произведениям искусства, в частности, опере Н.А.Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Не поймешь, как такое увидишь,
Не найдешь в изумлении слов:
То ли это – мифический Китеж?
То ли это – реальный Ростов?

Как случилось видение это?
Коль поверилось – факты представь.
Может, это – всего лишь легенда?
Может, это – истории явь?

Есть ли тайна у озера Неро –
Я ответить, увы, не берусь...
Но в душе всё устойчивей вера –
Здесь, в Ростове, возвысилась Русь.

Они запомнились мне такими

Хотя это было 50 лет назад, я хорошо помню этого удивительно обаятельного, очень умного и широко образованного человека. А как он умел слушать! Представляю, какой бред по молодости своей я иногда несла, стараясь казаться тоже умной. Но Петр Александрович слушал внимательно и как-то очень уважительно, никогда не поправлял, не делал замечаний и, тем более, не поучал меня, как это любили делать старые «спецы». А все специалисты на заводе были после окончания Ростовского сельскохозяйственного техникума, и нас, молодых инженеров, встретили недружелюбно, устраивали всяческие проверки, с удовольствием подсмеивались над нашими промахами. Если бы не Георгий Иванович Потемин – главный конструктор и секретарь партийной организации завода, который взял нас «под свое крыло», то не знаю, как бы мы прижились на заводе.

После окончания Архангельского лесотехнического института в августе 1959 года по распределению я была направлена в Ярославский Совнархоз и выбрала Семибратовский завод древесно-волоконистых плит (бывший термозавод), потому что здесь обещали через год дать комнату в новом доме. Поселили меня в частном доме в деревне Исады, потом приехала еще одна девушка-теплотехник из московского института.

Поселка завода газоочистительной аппаратуры (ГОА) тогда еще не было, только бараки и несколько двухэтажных домиков по улице Некрасова. Единственный человек, с которым хотелось общаться, был Георгий Иванович Потемин. Я постоянно говорила ему, что три года здесь прожить не смогу, буду искать любой способ, чтобы вернуться домой в Архангельск. А Георгий Иванович убеждал меня, что интересные люди есть и в Семибратове, обещал познакомить с учителями, молодыми специалистами ГОА и с каким-то «уникальнейшим человеком, очень симпатичным, после встречи с которым захочется встречаться еще и еще, хотя он довольно пожилой. Появится повод, я познакомлю тебя с ним».

«Повод» представился быстро. Дело в том, что той же осенью я поступила на экономический факультет Ярославского университета марксизма-ленинизма, чтобы хотя на два вечера в неделю уезжать из Семибратова в Ярославль. Мне нужно было подготовиться к семинару по планированию, но не было никакой литературы. Петр Александрович уже не работал на заводе, но постоянно бывал в плановом отделе, который возглавлял 15 лет. Он подготовил себе замену – молодую женщину после техникума, но постоянно опекал ее.

Георгий Иванович пригласил меня в отдел, когда Петр Александрович пришел туда в очередной раз. Когда мы вошли в кабинет, я увидела стоящего у окна очень пожилого, невысокого человека со светлыми или седыми волосами. Но сразу бросалось в глаза, что он какой-то очень аккуратный, одет в строго торжественный костюм и светлую рубашку, будто собрался ехать на совещание в Совнархоз. Как потом оказалось, он всегда был таким элегантным. И очень отличался своим поведением от других руководителей завода – не тряс меня за руку, приговаривая: «Ну, вот, дорогуша, будем работать вместе, привыкай, жениха найдем, у нас хорошо, Москва рядом, будешь ездить за нарядами, за колбасой...»

А Петр Александрович просто поздоровался, при этом чуть наклонив голову, и негромко сказал: «Галина Федоровна, мне очень приятно, что вы обратились ко мне. Всё, что смогу, сделаю для вас. Приходите ко мне вечером домой, у меня много книг по планированию. Подберете, что вам нужно».

Я даже растерялась – мы же совсем незнакомы, а они с женой, как я тогда считала, очень старые люди, неудобно их беспокоить. Но книги нужны были срочно, и вечером я отправилась к Сергеевым. Петр Александрович встретил меня у подъезда. В комнате нас ждала Евгения Вениаминовна, поднялась со стула, приветливо улыбнулась и предложила пройти в кабинет Петра Александровича. А проходить никуда и не надо было – Сергеевы жили в одной комнате, строго обставленной мебелью, на мой взгляд, сделанной в заводской столярке. Направо от двери, в уголке, стоял маленький столик, как мне помнится, даже

не письменный. У стены полки с книгами, на столе несколько деревянных ящичков, поставленных один на другой. Петр Александрович объяснил, что это каталог статей, журналов и книг, нужных ему для работы.

Впоследствии, когда я на общественных началах стала заведовать технической библиотекой завода, я частенько обращалась к Петру Александровичу, чтобы узнать, в какой библиотеке можно заказать нужную книгу. Он очень помог мне в формировании библиотечного фонда, расстановке книг по отделам и их учету. В то время почти всё руководство завода – главный инженер, главный конструктор, главный технолог, а в дальнейшем и мастера и другие инженерно-технические работники – учились заочно в институтах и техникумах, поэтому книг для технической библиотеки покупалось много.

Я стеснялась лишней раз беспокоить Петра Александровича и, конечно, старалась пореже бывать у них, но встречались мы часто. Петра Александровича и Евгению Вениаминовну почти ежедневно можно было увидеть в парке, где они любили гулять. Старый парк около «дачи», в которой они жили, был в то время ухоженным: красивые аллеи, фонтан в центре, спортивная и танцевальная площадки, буфет, скамейки на берегу реки Устье.

Я тоже там часто бывала, но боялась показаться навязчивой и старалась побыстрее пройти мимо. Однако Петр Александрович обязательно спрашивал о чем-нибудь: о работе, как складываются отношения с коллективом смены. Я рассказывала, иногда что-нибудь смешное. Петру Александровичу очень нравилось, что я называю рабочих по имени и отчеству. Даже рассказал об этом директору завода, который похвалил меня на планерке.

Очень сожалеею, что мне не пришлось поработать на заводе вместе с Петром Александровичем, не пришлось подружиться с ним и с Евгенией Вениаминовной – слишком велика была разница в возрасте. Да что говорить – я была человеком не их круга. Они прекрасно общались со своими соседями, с некоторыми даже дружили, но никого не впускали в свой духовный мир. Это большое счастье, что они не потеряли друг друга в самые жестокие годы. В моем представлении Петр Александрович и Евгения Вениаминовна – это половинки одного целого, они понимали друг друга молча; выражаясь современным языком, у них была одна аура на двоих.

Я тогда не знала, что они дворяне, даже Георгий Иванович мне об этом не рассказывал, в те годы это скрывалось. Но я догадывалась, что они из «бывших». В тридцатые годы прошлого века их много было сослано на север, в том числе в Архангельск. Такой была мама моей любимой учительницы по литературе Конкордии Николаевны – Евгения Вениаминовна очень мне ее напоминала. Она отличалась от всех женщин Семибратова и манерой поведения, и общением с людьми, и одеждой. Такая светлая, всегда приветливая, но сдержанная. Она никогда не могла сказать, а тем более сделать того, что могло бы обидеть человека. Одевалась просто, но как-то очень изящно.

Она сама хорошо шила и вязала. А как она держалась! Маленькая ростом, а казалась такой стройной. Как она поворачивала голову, как сидела на стуле дома, на скамейке в парке!

Мне трудно подобрать слова, чтобы описать Евгению Вениаминовну. Я читала про Наталью Кончаловскую, что когда она входила в комнату, уже будучи очень пожилой, она так «несла себя», что молодые женщины сразу выпрямлялись, вытягивали шейки, вытягивали ножки как положено, а не нога на ногу. Такая была у нее благородная осанка. И при Евгении Вениаминовне мне тоже хотелось стать хоть чуть-чуть похожей на нее, но увы – гены не те! Такая вроде незаметная – и вместе с тем сразу привлекающая к себе внимание.

Однажды Евгения Вениаминовна сидела в парке одна, с книгой в руках. Она меня увидела, позвала, сказала, что Петр Александрович скоро подойдет. Я посмотрела на книгу, и Евгения Вениаминовна спросила, люблю ли я стихи. Мне очень повезло с учительницей литературы – Конкордия Николаевна всегда оставляла хотя бы пять минут от урока, чтобы читать нам стихи. Сколько она знала их наизусть! А как она читала! Помню, в девятом и десятом классах мы по ролям читали «Евгения Онегина» и «Горе от ума». Конкордия Николаевна тоже исполняла какую-нибудь из ролей.

Обо всем этом я рассказала Евгении Вениаминовне. В тот день она читала стихи поэтов пушкинской поры. Не помню, как этот сборник назывался, но книга была старая. К стыду своему никого из современников Пушкина, кроме Жуковского и Баратынского, я не вспомнила, но Евгения Вениаминовна меня успокоила: «Галина Федоровна, да ведь вы многих знаете – на их стихи написано много печен и романсов». И прочитала: «Соловей, мой соловей, Голосистый соловей! Ты куда, куда летишь, где всю ночь пропоешь?» Оказалось, это стихи Дельвига, лучшего друга Пушкина.

К нашему разговору присоединился подошедший Петр Александрович, мы долго говорили о Пушкине и Лермонтове. Я сказала, что мне ближе Лермонтов, но я не могу объяснить – почему. Петр Александрович сказал, что это неудивительно, так чувствуют многие. И сказал фразу, которую я запомнила на всю жизнь: «Пушкин писал о том, что чувствуют другие, а Лермонтов о том, что чувствовал он сам».

К сожалению, больше таких встреч я не припомню. В марте 1963 года у меня родился сын, а в апреле Петр Александрович умер. Мне даже никто не сообщил об этом. Рассказывали, как стойко вела себя на похоронах Евгения Вениаминовна. Она не кричала, не рыдала, даже не плакала. До сих пор поражаюсь мужеству и благородству этой маленькой женщины.

Оставшиеся годы Евгения Вениаминовна прожила одна. Может быть, плакала в одиночестве, снова и снова вспоминая те годы, дни и минуты, которые они прошли вместе с Петром Александровичем. Я уверена, что несмотря на все трудности и ужасы, которые им пришлось пережить, они были счастливы.

А я счастлива тем, что судьба подарила мне встречи с такими замечательными людьми, как Петр Александрович и Евгения Вениаминовна Сергеевы, Георгий Иванович Потемин, с которым они дружили. А сколько еще замечательных, талантливых людей встретила я в Семибратове, впервые увидев который пятьдесят лет назад, я в ужасе подумала, что здесь будут потеряны лучшие годы моей жизни. Оказывается, можно счастливо ошибаться.

Г.Ф.Маслова.

Блатные нотариусы

Недавно на самом высоком уровне было заявлено, что в России начинается широкомасштабная кампания по борьбе с коррупцией. Ознакомившись с очерком А.Фадеевой «Блатные нотариусы», опубликованном в газете «Жизнь», нетрудно понять, что в верхних эшелонах власти бороться с коррупцией будут выборочно – не трогая своих. В очерке рассказывается только об одной государственной службе, но такая же ситуация существует и в других высокооплачиваемых отраслях власти. А значит, и эта кампания по борьбе с коррупцией, скорее всего, закончится пшиком.

Три года назад помощник нотариуса Инна Ермошкина по собственной инициативе начала борьбу с коррупцией. Она выступила против высших чиновников, которые пристраивают своих родственников на доходные места нотариусов. В ответ на Инну и ее мужа несколько раз заводили уголовное дело и сажали в СИЗО.

Нотариальную кухню Ермошкина знает изнутри: окончила Московскую юридическую академию, защитила диссертацию и много лет проработала помощником нотариуса. В 2005 году она и сама выдвинула свою кандидатуру на замещение вакантной должности нотариуса, но не прошла конкурс. Ради интереса решила разобраться, кто же более достойный. В списке новоиспеченных нотариусов она нашла: Александра Пронина – сына начальника ГУВД Москвы Владимира Пронина, Алексея Кузовкова – зятя руководителя МЧС Сергея Шойгу, Людмилу Радченко – жену заместителя председателя Верховного суда России Владимира Радченко и их сына Илью, Ксению Платонову – дочь спикера Мосгордумы Владимира Платонова, Ирину Буксман – жену заместителя Генпрокурора Александра Буксмана, Галину Карлину – супругу губернатора Алтайского края Александра Карлина, на момент проведения конкурса занимавшего должность начальника Управления Президента РФ по вопросам государственной службы. Остальными счастливыми были в основном жены и дети уже практикующих нотариусов.

По мнению Инны, в большинстве своем родственники высокопоставленных чиновников и дети нотариусов получают лицензии незаконно. По ее искам суд отстранил от работы нотариусов 27 человек. Правда, через некоторое время 26 из них снова прошли конкурс. За это время Инна успела отсидеть пару месяцев в СИЗО. Главное следственное управление при ГУВД Москвы предъявило ей обвинение в мошенничестве при покупке квартиры. Тверской суд Москвы санкционировал ее арест, но спустя два месяца выпустил на свободу. Между тем проходящий по тому же делу ее муж Алексей продолжает находиться в Бутырке.

– Ему сломали ребра, порезали вены, а всё за то, что я мешаю родственникам чиновников зарабатывать деньги. Оперативники при задержании и меня били так, что я теряла сознание, – рассказывает Ермошкина.

Юрист опасается, что ее снова под любым предлогом упекут в СИЗО, лишь бы она не смогла присутствовать на рассмотрении судом ее очередного иска по незаконной выдаче нотариальных лицензий. По мнению Ермошкиной, десятки нотариусов получили место исключительно по блату или за большие деньги.

– Каждый раз мне открываются все новые имена. Нотариусом стала жена члена Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству депутата Михаила Емельянова. Недавно услышала, что заместитель мэра Москвы Анатолий Петров находится в родстве аж с семью нотариусами, – качает головой Ермошкина.

На вопрос, по-прежнему ли она хочет стать нотариусом, отвечает утвердительно, но сокрушается, что продвигать ее некому, а купить должность денег не хватает. Заветное кресло и печать, по ее словам, стоят в столице от \$250 тысяч.

Уверять судей, что Ермошкина ошибается и родство с высшими чиновниками не мешает всем прошедшим конкурс нотариусам быть профессиональными юристами, собирается высокооплачиваемый адвокат Генрих Падва. Интересно, признается ли он в защитной речи, что его жена тоже работает нотариусом?!

